

Борис Акунин:

«Япония перешла из категории экзотической культуры в категорию культуры привычной».

Беседу вел Акира **Имамура**

Японист Григорий Чхартишвили, а ныне еще и писатель Борис Акунин, рассказал нам о том, что такое для него японский характер, чем опасна профессия писателя и каких мыслей он устыдился после недавней трагедии в Японии...

Григорий Шалвович, что побудило Вас заняться изучением японского языка, Японии?

Вначале это было просто юношеское любопытство к экзотике. Из Советского Союза ваша страна представлялась чем-то вроде иной планеты, жители которой, казалось, по-другому мыслят и действуют. Если бы в 17 лет можно было выбрать марсианский язык, я бы так и сделал. Максимально удаленной от нас культурой казалась японская, тем-то она меня и привлекла.

Вы впервые в СССР перевели произведения Юкио Мисимы. Я слышал, в то время он не был признан официально и перспектив издания его романов не было...

Да, произведения Мисимы в СССР были под запретом. А запретный плод, как известно, сладок. Нам так часто рассказывали на лекциях, какой Мисима ужасный, какой он милитарист, садист и сексуальный извращенец, что меня это заинтриговало. (Особенно, по молодости лет, последнее.) Я стал тайком читать Мисиму по-японски, и он поразил меня невероятной интенсивностью своего таланта и какой-то подростковой пассионарностью. Он ведь, как я

ФОТО: ЮРИЙ КОЛЬЦОВ

теперь, в своем нынешнем возрасте, понимаю, очень инфантилен. Этаким не до конца повзрослевший вундеркинд.

Как автор монографии «Писатель и самоубийство», что Вы думаете о самоубийствах таких известных японских писателей, как Акутагава и Кавабата?

Писатель – профессия вообще опасная. Она находится в группе высокого суицидального риска, потому что ты все время наедине с собой и твой бензин – ты сам, твой внутренний мир. Когда топливо кончается, или кажется, что оно закончилось, мотор может заглохнуть. А в Японии, я полагаю, писателю вдвойне трудно. Потому что это индивидуалист и одиночка в обществе, которое по-прежнему ориентируется на коллективистские ценности. Сами знаете, что у вас делают с гвоздем, который «высовывается». А писателю без этого никак невозможно.

Максимально удаленной от нас культурой казалась японская, тем-то она меня и привлекла.

В мае 2009 года правительство Японии наградило Бориса Акунина орденом Восходящего солнца.

Несколько лет назад Вы написали работу «Образ японца в русской литературе». Каков он в Ваших произведениях, например, в серии романов о Фандорине?

Я писал эту статью лет пятнадцать назад, когда Япония в России воспринималась совсем не так, как сегодня. Вашу страну мало знали, испытывали к ней недоверие и даже неприязнь, что вполне объяснимо, если вспомнить трудную историю российско-японских отношений. Произведений, в которых фигурировали персонажи-японцы, было немного, и японец предстал в них по большей части существом коварным, жестоким, непредсказуемым. Что очень и очень далеко от истины. В романах об Эрасте Фандорине действует японец Маса, которого мои читатели, кажется, полюбили больше, чем главного героя. В этом персонаже я объединил (конечно, в утрированном и комичном виде) черты, которые, по моему, действительно свойственны классическому японскому характеру: верность дружбе, самоотверженность, упрямство – ну и некоторый нарциссизм.

Каков Ваш собственный образ японцев? Изменился ли Ваш взгляд на Японию после мощного землетрясения, которое произошло в марте?

Я, что называется, неспристрастен. Я люблю и Японию, и японцев, даже ваши недостатки. После мартовской трагедии, когда весь мир восхищался выдержкой, дисциплинированностью и мужеством вашего народа, я не был удивлен. Ничего другого я от японцев и не ждал. Я уверен, что из этого испытания ваша страна выйдет с достоинством. Возможно даже, что беда даст импульс новому развитию.

Действительно, через восстановление страны Япония стремится представить модель решения проблем, стоящих перед всем миром. Вы когда-нибудь бывали в регионе Тохоку, который особенно пострадал от землетрясения? Где Ваше любимое место в Японии?

Писатель – профессия вообще опасная. Она находится в группе высокого суицидального риска.

Нет, я никогда не бывал севернее Тиба-кэн. Должен со стыдом признаться, что, когда я узнал о произошедшей трагедии, первая моя мысль была чудовищно эгоистичной: «Слава богу, все мои друзья живут в Канто и Кансае». А мое любимое место в Японии, конечно, Токио.

Я слышал, что половину года Вы проводите во Франции. Какими видятся оттуда современные мировые тенденции? Какое место в них занимают Россия и Япония?

Честно говоря, впечатления у меня грустные. В сегодняшнем мире культурное присутствие России мало заметно. Нефть с газом, политика, проблемы с гражданскими свободами заслоняют то интересное и живое, что происходит сейчас в российском обществе. В то же время Япония с каждым годом действует на международной культурной арене все активнее. Не знаю, замечаете вы это сами или нет, но за последнее десятилетие на Западе (да и в России) Япония перешла из категории экзотической культуры в категорию культуры привычной. Все едят суши и темпуру, знают слово «караоке», любят мангу и читают Харуки Мураками. Это очень важный прорыв для островной страны, которая так долго воспринималась остальным миром как чужеродное тело.

Как раз в прошлом номере наш журнал писал о Харуки Мураками... Как Вы оцениваете его произведения? Кто из современных японских писателей Вам нравится, и переведен ли он на русский?

Мне всегда нравились книги Мураками, еще со времен «Кадзэ-но ута-о кикэ» («Слушай песню ветра» – А.И.) Этому писателю удается удивительно точно передать ощущение «невыносимой легкости бытия» – может быть, даже лучше, чем Милану Кундере, автору этой формулировки. Что касается моих любимых писателей, то я уже больше 10 лет совсем не читаю художественной прозы и сильно отстал от литературной жизни. Мне очень нравился Кэндзи Маруяма, он ни на кого не похож, что в наши времена встречается редко. Я перевел на русский язык довольно много его произведений.

Чем Вы планируете заняться в ближайшее время?

Все как обычно. Буду писать буквы. В этом году я заканчиваю цикл из десяти повестей «Смерть на брудершафт». Начал вести блог, выпущу его в виде книги. Участвую в подготовке нескольких экранизаций. Ну и конечно, собираюсь написать что-нибудь такое, чего я прежде не писал. Как всегда. 📖

ФОТО: ЮРИЙ КОЛЬЦОВ

После мартовской трагедии, когда весь мир восхищался выдержкой, дисциплинированностью и мужеством вашего народа, я не был удивлен.

